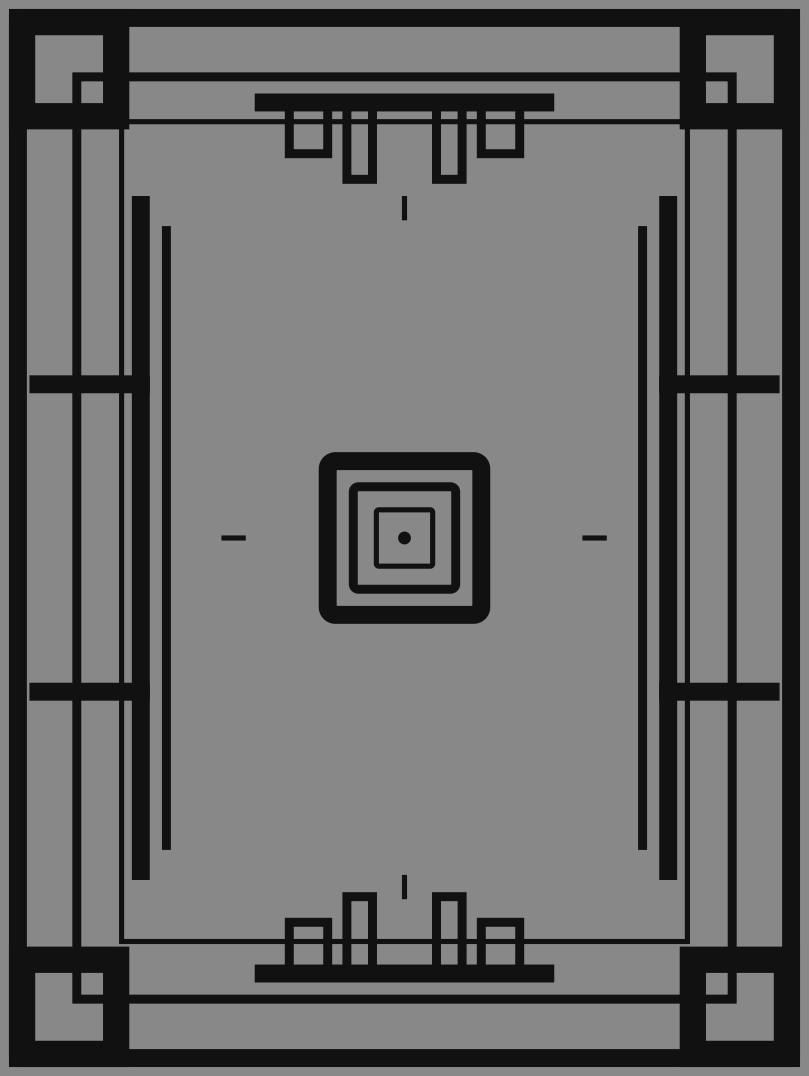

Как был спасен Ванг–Фо
Маргерит Юрсенар

Маргерит Юрсенар. Как был спасен Ванг–Фо

Маргерит Юрсенар. Как был спасен Ванг–Фо

Перевел Александр Радашкевич

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Маргерит Юрсенар (этот псевдоним является анаграммой ее настоящей фамилии де Крайенкур) родилась 8 июля 1903 года вБрюсселе, а умерла 17 декабря 1987 года в США на острове Мон–Дезер, расположенном в штате Мэн, на востоке страны, где в деревянном доме, названном ею «Маленькая забава», она провела последние сорок лет своей жизни.

Одна из наиболее выдающихся французских писательниц, М. Юрсенар в 1980 году

стала первой женщиной, вошедшей в когорту «бессмертных», — была избрана

членом Французской академии, что сопровождалось, в частности, традиционным вручением шпаги.

Критики называли ее «женщиной–

островом», а также «самым большим писателем XVII века, живущим сегодня». В поэтическом сборнике «Огонь» (1974) она писала: «Одиночество… Я не верю так, как они верят; я не живу так, как они живут; я не люблю так, как они любят… Я умру так, как они умирают». А устами римского императора второго века, медитирующего о войне, о власти, о тщете, окрашенной грустными тонами античной чувственности, и, конечно, о смерти, она выразила свое художническое и человеческое кредо: «Я чувствовал себя ответственным за красоту мира».

Двадцатое столетие редко удостаивалось внимания писательницы, но накануне последней мировой войны из–под ее пера вышел роман, посвященный борьбе с большевизмом в Прибалтике в начале 20–х годов («Le Coup de grace»).

Новелла «Как был спасен Ванг–Фо» вдохновлена древнекитайской даосской легендой и открывает сборник «Восточные новеллы», вышедший впервые из печати в 1938 году. Интересно отметить, что из последующих изданий автором

была исключена не удовлетворявшая ее новелла на русскую тему «Замурованные в Кремле».

Отправной точкой для остальных девяти новелл сборника послужили писательнице материалы сербского («Улыбка Марко» и «Конец Марко Кралевича»), греческого («Молоко смерти», «Человек, любивший нереид», «Вдова Афродиссия») и индийского («Обезглавленная Кали») фольклора, а также многотомный роман XI века, принадлежащий перу японской писательницы Мурасаки Сикибу, «Последняя любовь принца Гэндзи». Исключение составляют «Печаль Корнелиуса Берга» и «Божья Матерь Ласточек» — плод писательского воображения Маргерит Юрсенар, расцветившего всю эту книгу изначальными и извечными колерами страсти и духовного восхождения, смирения и всеприятия.

Все произведения М. Юрсенар, включающие в себя, кроме романов и новелл, три книги мемуаров, театральные пьесы, стихи, эссеистику и переводы, опубликованы в парижском издательстве «Галлимар». Самый известный ее роман (вызвавший при своем появлении восторженный отзыв Томаса Манна) «Воспоминания Адриана» был опубликован в русском переводе в начале 80–х годов. Данный перевод был первым на русском языке. С разрешения издательства «Галлимар», он появился сначала в парижском еженедельнике «Русская мысль» (№№ 3839–3840, 3 и 10 августа 1990 года), и в том же году — в московском молодежном журнале «Мы» (№№ 5–6). Заново отредактирован специально для сетевой публикации.

Александр Радашкевич

Старый художник Ванг–Фо и его ученик Линг брели по дорогам царства Хань. Они медленно продвигались вперед, поскольку Ванг–Фо останавливался ночью созерцать звезды, а днем — полюбоваться на стрекоз. Они были налегке,

поскольку Ванг–Фо любил образы вещей, а не сами вещи, и ни один предмет на свете не казался ему достойным того, чтобы его сохранить, кроме кистей, баночек с лаком и тушью, свертков шелка и рисовой бумаги. Они были бедны, поскольку Ванг–Фо отдавал свои работы за миску пшенной каши и гнушался денег. Его ученик Линг, согнувшийся под тяжестью набитого набросками мешка, уважительно горбил спину, будто подпирая небесный свод, поскольку в глазах Линга этот мешок был наполнен оснеженными горами, весенним половодьем и ликом летней луны.

Лингу по рождению не было предназначено скитаться по дорогам со стариком, пытавшимся овладеть рассветом или запечатлеть сумерки. Его отец занимался обменом золота, а мать была единственным ребенком торговца нефритом, который, прокляв ее за то, что она не родилась мальчиком, завещал ей все свое богатство. Линг вырос в доме, где достаток оберегал от превратностей судьбы. От такого тщательно законопаченного существования он стал пугливым: боялся насекомых, грома и лиц покойников. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, отец выбрал ему невесту, очень красивую девушку, поскольку мысль о том, что он осчастливит сына,

утешала его в том возрасте, когда ночь годится лишь для сна. Жена Линга была хрупкой, как тростинка, ребячливой, как молоко, сладкой, как слюна, и соленой, как слезы. После свадебных торжеств родители Линга нашли в себе скромность скончаться, и их сын остался в выкрашенном киноварью доме лишь с молодой женой, которая беспрестанно улыбалась, да сливой в саду, каждую весну одевавшейся в розовые цветы. Линг любил эту девушку с чистым сердцем, как любят зеркало, которое не потускнеет, или талисман, который всегда отведет беду. Следуя моде, бывал он и в чайных заведениях, проявляя умеренную склонность к акробатам и танцовщицам.

Однажды ночью, в кабаке, он сел за один стол с Ванг–Фо. Старик уже был навеселе — для того, чтобы как можно лучше нарисовать пьяницу; голова его склонилась набок, как будто он силился определить расстояние, отделявшее его руку от чарки. Рисовая водка развязала язык этому молчаливому труженику, и в ту ночь Ванг говорил так, будто молчание было стеной, а слова — красками, чтобы ее расцветить. Благодаря ему, Линг познал красоту пьяных лиц, размытых паром горячего питья, бурое великолепие мяса, неравномерно облизываемого языками пламени,

и изысканную розоватость винных пятен, усеивающих скатерти, как увядшие лепестки. Порыв ветра распахнул окно, и ливень хлынул внутрь. Ванг–Фо наклонился к Лингу, чтобы восхитить его мертвенно–синеватым зигзагом молнии, и Линг, к изумлению своему, перестал бояться грозы.

Линг расплатился за старого художника, а поскольку у Ванг–Фо не было ни денег, ни крыши над головой, он смиренно предложил ему пристанище. И они вдвоем отправились в путь; Линг держал фонарь, свет которого играл в лужах неожиданными огнями. В ту ночь Линг с удивлением узнал, что стены его дома были не красными, как он привык считать, а цвета загнивающего апельсина. Во дворе Ванг–Фо заметил тонкие очертания куста, на который до того никто не обращал внимания, и сравнил его с сушащей волосы девушкой. В коридоре он с восторгом наблюдал за неуверенными движениями муравья вдоль стенных щелей, и ужас Линга перед этими существами испарился сам по себе. И тогда, поняв, что Ванг–Фо явился, чтобы одарить его новой душой и иным восприятием вещей, Линг, в знак уважения, уложил старика в той спальне, где умерли его отец и мать.

Долгие годы Ванг–Фо мечтал изобразить древнюю принцессу, играющую под ивой на лютне. Ни одна женщина не обладала достаточно нездешним обликом, чтобы послужить ему моделью, но Линг вполне подходил для этого, поскольку он не был женщиной. Потом Ванг–Фо заговорил об изображении юного принца, стреляющего из лука у подножья высокого кедра. Никто из молодых людей того времени не был достаточно ирреален, чтобы послужить ему моделью, и тогда Линг поставил позировать под садовой сливой свою собственную жену. Затем Ванг–Фо изобразил ее в одеянии феи среди закатных облаков, и юная женщина заплакала, поскольку это было предсказанием смерти. С тех пор как Линг стал предпочитать ей самой портреты, сделанные с нее Ванг–Фо, лицо ее поблекло, словно цветок на пригорке под горячим ветром и летними дождями. Однажды утром ее нашли висящей на ветви расцветшей розовой сливы: концы шарфа, который ее задушил, переплетясь с волосами, развевались по ветру; она казалась еще более тонкой, чем обычно, и непорочной, как красавицы, воспетые поэтами минувших веков. Ванг–Фо нарисовал ее в последний раз, поскольку ему нравился тот зеленоватый оттенок, который

приобретают лица мертвых. Его ученик Линг растирал краски, и это занятие требовало такого прилежания, что он позабыл пролить слезы.

Линг продал одного за другим своих рабов, вещи из нефрита и рыб из фонтана, чтобы обеспечить учителя баночками пурпуровой краски, привозимой из западных стран. Когда в доме ничего не осталось, они покинули его, и Линг закрыл за собой дверь прошлой жизни. Ванг–Фо устал от города, где лица больше не таили для него никакого секрета уродства или красоты, и учитель с учеником пустились вместе бродяжничать по дорогам царства Хань.

Слава о них опережала их в деревнях, на подступах к крепостям и на порогах храмов, где встревоженные пилигримы находили себе приют на закате дня. Говорили, что Ванг–Фо обладал властью вдыхать жизнь в свои полотна вместе с последним прикосновением кисти, которое делалось на глазах у всех. Крестьяне умоляли его нарисовать сторожевого пса, а господа хотели от него изображения солдат. Священники почитали Ванг–Фо за мудреца, а простые люди страшились его, как колдуна. Ванга радовало это различие во мнениях: оно позволяло ему изучать на лицах окружающих выражение благодарности, страха

или почитания.

Линг выпрашивал пищу, охранял сон учителя и пользовался моментами его вдохновения, чтобы помассировать ему ноги. На рассвете, когда старик еще спал, он уходил выискивать робкие пейзажи, скрытые зарослями тростника. Вечером, когда упавший духом учитель бросал свои кисти на землю, он собирал их. Когда на Ванг–Фо нападала тоска и он заговаривал о своем преклонном возрасте, Линг с улыбкой указывал ему на крепкий ствол старого дуба; когда же Ванг веселел и начинал отпускать шуточки, Линг смиренно притворялся, что слушает его.

Однажды, на закате солнца, они достигли окраин императорской столицы, и Линг отыскал для Ванг–Фо постоялый двор, где они могли переночевать. Старик завернулся в тряпье, а Линг прижался к нему, чтобы согреть, потому что весна едва наступила и глинобитный пол был совсем ледяным. На рассвете тяжелые шаги отозвались в коридорах ночлежки; был слышен испуганный шепот хозяина и приказы, выкрикиваемые на варварском наречии. Линг затрепетал, вспомнив, что своровал накануне рисовую лепешку учителю на ужин. Не сомневаясь, что пришли за ним, он подумал о том, что завтра будет некому помочь

учителю перейти вброд очередную речушку.

Вошли солдаты с фонарями. Пламя, просвечивая раскрашенную бумагу, отбрасывало на их кожаные каски красные и голубые отблески. Тетива луков дрожала у них за плечами, и самые свирепые из них вдруг зарычали без всякой причины. Тяжелые руки легли на затылок Ванг–Фо, который не мог не заметить, что цвет рукавов у них плохо сочетается с цветом накидок.

Поддерживаемый своим учеником, Ванг–Фо побрел за солдатами, спотыкаясь на бугристой дороге. Кучки прохожих насмехались над этими преступниками, которых, без сомнения, ведут, чтобы обезглавить. На все вопросы Ванга солдаты отвечали дикой гримасой. Связанные руки причиняли ему боль, и Линг, в отчаяньи, с улыбкой смотрел на учителя, что являлось у него наиболее нежным способом плакать.

Они подошли к порогу императорского дворца, фиолетовые стены которого высились среди наступившего дня, как кусок закатного неба. Солдаты провели Ванг–Фо через бесчисленные квадратные и круглые залы, чья форма символизировала времена года, страны света, мужское и женское начало, долголетие, а также прерогативы власти. Двери сами раскрывались перед ними,

издавая определенную ноту, и расположение их было таково, что, пересекая дворец с востока на запад, вы проходили всю гамму.

Все в сочетании стремилось дать представление о сверхчеловеческой власти и утонченности, и чувствовалось, что малейшие приказания, отдаваемые здесь, являются окончательными и ужасающими, как мудрость предков. Наконец воздух разредился; молчание стало таким глубоким, что даже подвергаемый страшным пыткам не осмелился бы закричать. Евнух приподнял завесу; солдаты затрепетали, как женщины, и маленькая группа вошла в зал, где восседал на троне Сын Небес.

В этом зале, окруженном мощными колоннами из лазурного камня, не было стен. За мраморными стволами цвел сад, и хотя каждый цветок в его гуще принадлежал к диковинному виду, привозимому из–за океана, ни у одного не было запаха — из страха нарушить сладостными ароматами медитацию Небесного Дракона. Из почтения к безмолвию, в котором проплывали его мысли, никакой птице не было позволено перелететь за ограду сада, и даже пчелы были выдворены оттуда. Громадная стена отделяла этот сад от остального мира, чтобы ветер, пролетающий и

над околевшими собаками, и над усеявшими поля сражений трупами, не мог себе позволить даже коснуться императорского рукава.

Небесный Повелитель восседал на троне из нефрита, и руки у него были морщинисты, как у старца, хотя ему едва исполнилось двадцать лет. Его одеяние было голубым, что представляло зиму, и зеленым, чтобы напоминать о весне. Лицо его было прекрасно, но невозмутимо, как повешенное слишком высоко зеркало, способное отражать лишь звезды и неумолимые небеса. По правую руку от него стоял министр Совершенных Наслаждений, а по левую — советник Заслуженных Мук. Поскольку придворные, расположенные у подножья колонн, напрягали слух, чтобы уловить малейшее слово, слетевшее с его уст, он привык говорить всегда тихо.

— Небесный Дракон, — вымолвил павший ниц Ванг–Фо, — я стар, я нищ, я немощен. Ты — как лето, я — как зима. У тебя Десять Тысяч Жизней, а у меня лишь одна, и та подходит к концу. Что я тебе сделал? Мне связали руки, которые никогда не причиняли тебе вреда.

— Ты спрашиваешь, что ты мне сделал, старый Ванг–Фо? — сказал император. Его голос был так мелодичен, что от него хотелось плакать.

Он поднял правую руку, которая от отблесков нефритовых плит была голубовато–зеленой, как водоросли, и Ванг–Фо, восхищенный длиной его тонких пальцев, старался припомнить, не сделал ли он посредственного портрета императора или кого–то из его родственников, который заслуживал бы смертной казни. Но это было маловероятно, поскольку до сих пор он редко бывал при императорском дворе, отдавая предпочтение крестьянским лачугам, а в городах — увеселительным кварталам на окраинах и кабакам вдоль набережных, где перебранивались подвыпившие носильщики.

— Ты спрашиваешь, что ты мне сделал, старый Ванг–Фо? — переспросил император, вытягивая свою хрупкую шею к ожидавшему его слов старику. — Я скажу тебе. Но поскольку чей–либо яд может проникнуть в нас лишь девятью путями, я должен показать твою вину и провести тебя по коридорам памяти, рассказав историю моей жизни. Мой отец поместил коллекцию твоих произведений в самой секретной части дворца, поскольку считал, что изображенные тобою лица не должны рассматриваться невеждами, в присутствии которых они не могут опустить глаза. В этих залах, старый Ванг–Фо, я и был воспитан,

так как меня растили в строгом одиночестве. А чтобы уберечь во мне непорочность от загрязнения человеческими душами, от меня удалили бурлящий поток моих подданных, и никому не позволялось даже пройти мимо моего порога из страха, что тень от мужчины или от женщины может упасть на меня. Несколько старых слуг, которых мне оставили, показывались как можно реже; часы протекали в замкнутом круге, краски твоих работ оживали с рассветом и угасали в сумерках. Ночью, когда мне не спалось, я смотрел на них, и так, почти десять лет подряд, я смотрел на них каждую ночь. Днем, сидя на ковре, узоры которого я знал наизусть, и положив пустые ладони на покрытые желтым шелком колени, я грезил о наслаждениях, уготованных мне в будущем. Я представлял себе мир, с царством Хань посередине, похожим на безликую и полую поверхность ладони, изборожденную роковыми линиями Пяти Потоков. Вокруг простиралось порождающее чудовищ море, а еще дальше высились горы, поддерживающие небо. И чтобы легче было вообразить все это, я обращался к твоим образам. Ты заставил меня поверить, что море похоже на покрывающую твои полотна водную пелену — такую голубую, что упавший

в нее камень должен превратиться в сапфир; что женщины раскрываются и закрываются, как цветы, подобно несомым ветром по аллеям твоих садов созданиям; что молодые воины с тонкой талией, охраняющие пограничные крепости, сами являются стрелами, способными пронзить вам сердце.

В шестнадцать лет я увидел, как распахнулись ворота, отделявшие меня от мира; я поднялся на террасу дворца, чтобы полюбоваться облаками, но они были куда менее красивы, чем облака твоих закатов. Я приказал подать носилки и, трясясь на дорогах, представлявших собой, как оказалось, лишь грязь и камни, я объездил все провинции империи, не обнаружив твоих садов, где обитают девушки, подобные светлячкам, — твои девушки, самое тело которых сравнимо с садом. Усеявшие берега острые камни отвратили меня от океана; кровь истязаемых на пытках оказалась не так ала, как гранат на твоих полотнах; в деревнях мошкара не давала мне полюбоваться красою рисовых полей; плоть живых женщин стала мне отвратительна, как мертвое мясо, подвешенное на крючках у лавочников; меня тошнило от зычного хохота моих солдат. Ты лгал мне, Ванг–Фо, старый мошенник: мир — это скопление

случайных пятен, которыми забрызгал пустоту обезумевший художник и которые мы всю жизнь смываем своими слезами. Царство Хань — отнюдь не самая прекрасная страна, а я — не настоящий император. Единственная империя, над которой имеет смысл царствовать, это та, в которую тебя, старый Ванг, приводит дорога Тысячи Поворотов и Десяти Тысяч Цветов. Ты один безмятежно царствуешь над вершинами, покрытыми таким снегом, который вовек не растает, и над полянами нарциссов, которые никогда не увянут. Вот поэтому, Ванг–Фо, я раздумывал, какую казнь уготовить тебе — тебе, чье чародейство внушило мне отвращение к тому, чем я владею, и жажду того, чего у меня не будет. И, чтобы заключить тебя в ту единственную темницу, откуда ты не найдешь выхода, тебе выжгут глаза.

Потому что твои глаза, Ванг–Фо, это волшебные двери, через которые ты проникаешь в свое царство. И, поскольку твои руки — это две дороги с десятью ответвлениями, уводящими в сердце твоей империи, тебе их отсекут. Все ли ты понял, старый Ванг–Фо?

Услышав приговор, ученик Линг выхватил из–за пояса свой зазубренный нож и бросился на императора. Два стражника схватили его. Сын

Небес улыбнулся и добавил со вздохом:

— И еще я ненавижу тебя, старый Ванг–Фо, за то, что ты умел внушать к себе любовь. Убейте эту собаку.

Линг отпрыгнул вперед, для того чтобы его кровь не забрызгала учителю платье. Один из солдат поднял саблю, и голова Линга отделилась от шеи, подобно срезанному цветку. Слуги вынесли тело, и Ванг–Фо в своем отчаяньи залюбовался прекрасным алым пятном, оставленным его учеником на зеленоватых плитах пола.

Император сделал знак, и два евнуха осушили Ванг–Фо глаза.

— Теперь слушай, старый Ванг–Фо, — сказал император, — и утри свои слезы, потому что сейчас не время плакать. Глаза у тебя должны быть ясными, чтобы та малость света, которую им осталось видеть, не замутилась слезами. Ведь не только из мести желаю я твоей смерти и не только из жестокости хочу увидеть твои муки. Есть у меня среди твоих работ один чудесный пейзаж, на котором горы отражаются в речном устье и в море, бесконечно, разумеется, уменьшенные, но зрительно более достоверные, чем в натуре, — будто отраженные на поверхности стеклянного шара. Но эта работа не завершена,

Ванг–Фо, и шедевр остается пока лишь наброском. Когда ты рисовал, устроившись в безлюдной долине, твое внимание, должно быть, отвлекла пролетавшая птица или бегущий за ней ребенок. Клюв этой птицы или румянец ребенка заставили тебя забыть о лазурных веках водной шири. Ты не дорисовал ни кайму ризы моря, ни космы водорослей на скалах. Ванг–Фо, я хочу, чтобы ты посвятил оставшиеся тебе часы дневного света завершению этой работы, чтобы она воплотила в себе те последние тайны, которые ты накопил за долгую жизнь. Не сомневаюсь, что твои руки, которые так скоро упадут на пол, не задрожат над куском шелка, и бесконечность отразится в твоей работе штрихами отчаянья. Не сомневаюсь и в том, что твои глаза, которые ты вот–вот утратишь, прозреют некие связи на пределе человеческих чувств. Таков мой замысел, старый Ванг–Фо, и у меня есть власть, чтобы заставить тебя его осуществить. Если же ты откажешься, то, прежде чем ослепить тебя, я прикажу сжечь все твои произведения, чтобы ты уподобился отцу, у которого убили всех сыновей, лишив его тем самым надежды на продление рода. Но, если желаешь, подумай о том, что мой приказ исходит скорее от доброты: мне ведь известно, что

полотно шелка — это единственная любовница, которую ты когда–либо ласкал. И предоставить тебе кисти, краски и тушь, чтобы занять последние часы жизни, это все равно что привести уличную девку осужденному перед казнью.

Император шевельнул пальцем, и два евнуха почтительно внесли незаконченное полотно, на котором Ванг–Фо успел лишь набросать море и небо. Ванг–Фо отер слезы и улыбнулся, потому что этот маленький набросок напомнил ему о юности. Все говорило в нем о душевной свежести, на которую Ванг–Фо не мог больше претендовать, но в то же время в нем чего–то недоставало, так как в пору его создания он еще мало созерцал горы и скалы, купающие в море свои нагие уступы, и еще недостаточно проникся грустью заката. Ванг–Фо выбрал кисть из тех, что подал ему раб, и принялся размывать незавершенное море широкими голубыми мазками. Присевший у его ног евнух растирал ему краски. Он довольно плохо справлялся с этим, и тогда больше всего пожалел Ванг–Фо о своем ученике Линге.

Ванг начал с того, что подкрасил розовый кончик крыла у лежащего на горе облака. Затем он нанес на поверхность моря мелкие морщинки, которые лишь усилили впечатление ясной безмя-

тежности. Выстланный нефритом пол странным образом начал увлажняться, но Ванг–Фо, поглощенный своим полотном, не замечал, что работает сидя в воде.

Хрупкая лодка, возникшая под ударами кисти художника, занимала теперь на шелковом полотне весь передний план. Слаженный шум весел неожиданно донесся издалека, быстрый и оживленный, как биение сердца. Шум все приближался и постепенно наполнил собою весь зал, потом затих, и капли задрожали на поднятых лодочником веслах. Уже давно раскаленное докрасна железо, предназначенное для глаз Ванга, остыло на углях у палача. Придворные, погруженные в воду по плечи, соблюдая этикет, не двигались, лишь вставая на цыпочки. Наконец вода достигла уровня императорского сердца. Молчание стало таким глубоким, что было слышно, как слезы падают в воду.

Да, это был Линг. Он был в своей старой одежде, и на правом рукаве у него виднелась все та же прореха, которую он не успел зашить утром, когда пришли солдаты. Только вокруг шеи у него был повязан странный красный шарф.

Ванг–Фо мягко сказал ему, не отрываясь от полотна:

— Я думал, что ты умер.

— Как же я мог умереть, — почтительно ответил Линг, — пока вы живы.

И он помог учителю взойти на барку. Нефритовый потолок отражался в воде, и казалось, что Линг гребет внутри грота. Погруженные в воду косички придворных извивались на ее поверхности, как змеи, а бледная голова императора, подобно лотосу, покачивалась на волнах.

— Смотри, мой ученик, — меланхолично заметил Ванг–Фо. — Эти несчастные погибнут, если это уже не произошло. Я не сомневался, что в море достаточно воды, чтобы утопить императора. Что же делать?

— Не беспокойся ни о чем, учитель, — прошептал ученик. — Скоро они окажутся на суше и даже не вспомнят о том, что когда–либо замочили рукав. Один лишь император сохранит в сердце немного горечи от морской воды. Эти люди не созданы для того, чтобы раствориться внутри картины.

И он добавил:

— Море прекрасно, ветер сопутствует нам, птицы морские вьют себе гнезда. Отбудем же, мой учитель, в ту страну, что за всеми морями.

— Отбудем, — сказал старый художник.

Ванг–Фо взялся за руль, а Линг налег на весла. Слаженный их шум снова наполнил собою весь зал; настойчивый и размеренный шум, подобный биению сердца.

Уровень воды незаметно начал понижаться вокруг высоких отвесных скал, и они снова превратились в колонны. Вскоре лишь редкие лужицы поблескивали кое–где в углублениях нефритового пола. Наряды вельмож оказались сухими, и лишь у императора несколько клочков пены еще белело на полах его облачения.

Шелковое полотно, завершенное Ванг–Фо, осталось лежать на низком столе. Весь передний план занимала на нем барка. Она понемногу удалялась, оставляя за собой пенистый след, расплывавшийся на невозмутимой поверхности моря. Уже и не различить было лиц тех двоих, что в ней уплывали. Хотя еще можно было заметить красный шарф Линга и развеваемую ветром бороду Ванг–Фо.

Биение весел стихало, потом совсем смолкло, поглощенное пространством. Император, нагнувшись вперед и приставив руку к глазам, следил за исчезающей баркой Ванга, которая стала уже едва различимой точкой в бледной глубине заката.

Наконец барка завернула за скалу, которая

отгораживала открытое море; тень утеса поглотила ее; пенистый след стерся в водной пустыне, а художник Ванг–Фо и ученик его Линг исчезли навеки в этом море нефритовой голубизны, которую Ванг–Фо только что придумал.